

Вилен ГОРСКИЙ

КИЕВСКИЕ УРОЧИЩА ФИЛОСОФСКОЙ ПАМЯТИ

Сейчас известный французский историк Пьер Нора осуществляет обширный проект по созданию многотомного труда под общим названием «Урочища памяти». Каждый том предполагает собрание описаний мест, почитаемых в культуре, в истории того или иного народа благодаря связанным с ними событиями минувшего, образ которых составляет память как важнейший компонент культуры данного народа. Это — не историческая энциклопедия, являющаяся сводом результатов научного познания событий и выдающихся деятелей прошлого. История как научное знание минувшего и память как феномен приобщения актуальной культуры к традиции, на основе которой народ идентифицирует себя, — конечно же, тесно связаны. Их единит общий интерес к минувшему. Они активно взаимодействуют друг с другом. Историк реконструирует образ минувшего, опираясь, в том числе на свидетельства памяти участников этих событий. Память развивается на основе данных истории. И, тем не менее, историю и память существенно отличают цели и задачи, к реализации которых они устремлены. История как наука стремится воссоздать максимально полную, объективную картину минувших событий, постичь суть вопросов, которые побуждали к определенным действиям. Память же адресует прошлому вопросы, которые тревожат актуальную культуру. Память принципиально субъективна. Отбор событий и определение масштаба значимости их для памяти обусловлен проблемами дня сегодняшнего. Память выстраивает традицию актуальной культуры, воздавая должное минувшему как соучастнику процессов дня *сегодняшнего*. Урочища памяти — это места, которые доносят до нас отзвук событий, сопричастных устремлениям представителя современной культуры. Состав памя-

ти и масштабность событий, ею объединяемых, естественно, меняется с изменением типа культуры. Состав ее различен для человека обращавшегося к урочищам памяти Киева, скажем, 100, 50 лет тому назад и ныне. Да и в кругу современников, принадлежащих к одному и тому же типу культуры, состав и иерархия урочищ памяти — неоднозначны. Когда я с моими коллегами из Института философии впервые посетил Берлин, мы, прежде всего, направились на кладбище, где покоится прах Гегеля. В первый же вечер моего пребывания в Париже я посетил тихую улочку в Латинском квартале, чтобы поклониться дому, где жил Р. Декарт. В моей, в силу корпоративной принадлежности, «философской памяти» эти урочища занимают первостепенное место. Поэтому естественным, во всяком случае, для меня, является и обращение к урочищам Киева, в первую очередь, как свидетельству «философской» памяти нашей культуры. Многовековая история Киева, та значительная роль, которую он играл в духовной жизни народов Европы и, в первую очередь, восточных славян придает особую значимость киевским урочищам памяти. Неповторимый архитектурный ансамбль улиц и площадей Киева, шедевры живописи, хранящиеся в нем, места, связанные с памятью о выдающихся деятелях литературы, науки, о значимых социальных, политических событиях, — все это образует совокупный образ традиции, на которой основывается наша нынешняя культура.

Среди этого многообразия я попытаюсь выделить те урочища, которым принадлежит определяющая роль узловых пунктов (воспользуюсь модным ныне термином) «дорожной карты», отмечающей этапы истории философствования в нашей культуре.

С чего же начать?

Когда из Москвы в Киев приезжает мой друг и коллега М. Н. Громов, мы часто местом встречи избираем Контрактную площадь на древнем Киевском Подоле у подножия памятника Григорию Сковороде. Помимо прочего, для нас это место дорого как символ общепризнанного признания значимости вклада в культуру, пожалуй, самого яркого представителя отечественной философской традиции. Действительно, памят-

ник творцу самобытной философской концепции, нашедшей свое выражение не только в поэзии и философских диалогах, созданных им, но и в образе жизни Г. Сковороды, по праву образует концентр, объединяющий киевские урочища именно философской памяти. Однако начало свое «дорожная карта» киевских урочищ, воссоздающих образ развития философской традиции, берет не здесь.

Творчество и жизнь Г. Сковороды — одно из наиболее ярких вершинных достижений этой традиции, результат, которому предшествовал длительный путь в истории отечественного философствования.

Путь реки лишь завершается мощным разливом в устье ее. Начинается же могучий речной поток значительно дальше, «вверх по течению» едва заметным ручейком, которому предстоит пройти значительный путь, прежде чем он превратится в могучее, многоводное речисце.

С. С. Аверинцев справедливо отмечал, что в гуманитаристике есть своя область «высшей математики», адресующая к изучению «бесконечно малых» величин, расположенных «выше по течению» у истоков исследуемой традиции. История философии в этом смысле начинается не временем создания целостных философских теоретических систем, а в ту пору, когда в пределах культуры на образно-символическом уровне возникают первичные интуиции, которым надлежит пройти большой путь в процессе рационализации завершающейся, в конечном счете, целостным теоретическим видением человека, мира, предельных оснований человеческого бытия. С этой точки зрения первым в ряду киевских урочищ философской памяти должен быть не памятник мыслителю XVIII в., возведенный в XX веке, а места, донесшие до нас память о древнерусских любомудрах. И основным, изначальным среди них является расположенный в центре града Ярослава Мудрого храм Софии Премудрости Божьей. В этом храме, по мнению большинства исследователей, было торжественно провозглашено знаменитое «Слово о Законе и Благодати». Автор его, Илларион Киевский, по праву открывает перечень древнерусских любомудров не только потому, что творение его — древнейший среди дошедших до наших дней памятников оригинальной книжности Киевской

Руси. «Слово» Иллариона содержит довольно четко сформулированную историософскую концепцию, влияние которой на протяжении многих веков сказывалось в философской традиции осмысления истории.

Включение в общечеловеческую историю того или иного народа определяется, согласно Иллариону, временем приобщения его к христианству.

Каждый этап этой истории определяется объединением христианских народов вокруг определенного духовного центра, являющегося сакральным местом приобщения к Богу. Первым таким центром был Иерусалим, вторым — Константинополь, третьим и завершающим Киев — «Новый Иерусалим». Поэтому именно здесь и в это время, исполненное ожидания скорого наступления конца человеческой истории, столь остро ощущается потребность в саморефлексии, осмыслении пройденного пути и соответствия его высшей цели человеческой истории — приближению к миру Божьему, уподоблению Богу.

Соответственно в этом и заключался смысл понимания рождающейся в то время отечественной философии. Философия, как следует из определения ее, содержащегося в популярном на Руси «Пространном Житии Константина — Кирилла Философа», есть знание Божьих и человеческих вещей, благодаря которому человек научается тому, как делами своими приблизиться к Богу, по образу и подобию Которого он создан. С этой точки зрения особую значимость обретает понимание Софии Премудрости Божьей, в честь которой и возводился собор в Киеве.

На протяжении всей истории европейской культуры образ Софии связывался в первую очередь с пониманием рефлексии как признака Божественной Премудрости. Вспомните Прокла, утверждавшего в «Первоосновах теологии» о том, что каждый разум мыслит сам себя, а первый разум — только самого себя, или Дионисия Ареопагита, подчеркивавшего, что Бог как подлинная мудрость знает мир не через познание существ, но в силу ведения Самого Себя. Отсюда стремление к уподоблению Богу обретает характер любви к мудрости, где мудрость мыслится не только как постижение истинного, сколь «жизнь в истине».

Древнерусское любомудрие обретает подчеркнутый смысложизненный характер. Здесь формируется тот специфичный, «софийный» стиль мышления, образующий существенную черту своеобразия, присущего всей последующей традиции философии в восточнославянской культуре. Отсюда свойственная этой традиции акцентация на проблемах философской антропологии и философии истории. В значительной степени наша философия обращена к одной теме и сюжету. Темой этой является человек, сюжетом — человеческая история. С этим же связана, начиная со времени Киевской Руси, этизация философской мысли — о чем бы ни размышлял мыслитель, взгляд его на мир неизменно преломляется через призму глобального конфликта Добра и Зла.

Сказанное объясняет то почетное первое место, которое принадлежит в ряду киевских урочищ философской памяти Софии Киевской.

С именем Иллариона — не раз упоминавшегося нами — связано еще одно святое место на киевской земле, достойное особо быть отмеченным на нашей «дорожной карте».

Ведь до поставления Иллариона митрополитом и перехода в митрополичью резиденцию рядом с Софийским собором он был священником церкви Святых Апостолов, расположенной вдали от центральной части Киева, в загородном княжеском сельце Берестово. Неподалеку от церкви, на склонах Днепровских холмов он выкопал себе небольшую пещерку, «двух сажень», где уединялся для молитвы и общения с Богом. Именно ее в 1051 г. избрал для своего поселения вернувшийся с Афона Антоний, который вместе со своим продолжателем Феодосием почитается как основатель наиболее прославленного среди древнейших монастырей Руси — Киево-Печерской Лавры. Здесь образуется центр духовной интеллектуальной элиты, любомудров-книжников, творчество которых являет яркие образцы «софийного» способа философского мышления.

С этой точки зрения Киево-Печерская Лавра дорога нам как центр, где зарождается традиция древнерусского летописания.

Здесь со второй половине XI ст. создаются первые летописные своды, на основе которых в начале XII века появля-

ется знаменитое творение монаха Киево-Печерской лавры Нестора — «Повесть временных лет». Поныне этот памятник древнерусской культуры является одним из основных источников наших сведений о событиях, совершавшихся в истории Киевской Руси. Однако значимость его далеко выходит за пределы историографии. «Повесть временных лет» — не только хроника событий, происходивших на Руси. Описывая реальные факты древнерусской истории, летописец смотрит на них как бы с высоты птичьего полета, стремясь постичь общечеловеческий смысл и значимость конкретных человеческих поступков.

Его интересует, «откуда есть пошла земля русьская?», «что есть лучшее в мире сем?», «что есть человек?» такого типа вопросами буквально перенасыщен текст летописи. И стремясь ответить на эти, сугубо философские вопросы, летописец вписывает события современной ему действительности в максимально широкий, поистине общечеловеческий — в пространстве и времени — контекст. Во временном масштабе «Повесть временных лет», рассказывая, «откуда русьская земля стала есть», сообщает о сотворении Богом первого человека, его грехопадении, всемирном потопе, Вавилонском столпотворении, разделе земель между сыновьями Ноя. Не менее значителен масштаб пространственного измерения. «Мир сей» для летописца раскинулся от берегов «Бретани», до индонезийцев и китайцев, «иже живут на краю земли». «Повесть временных лет» и берущая от нее начало мощная древнерусская летописная традиция демонстрируют образцы философской рефлексии, направленной на соотнесение конкретных человеческих деяний с пониманием смысла и значимости общечеловеческой истории.

Поэтому памятник Нестору, возведенный нашими современниками у входа в Киево-Печерскую Лавру, — дань почтения не только «первого историка Киевской Руси», но и одного из ярких представителей древнерусского любомудрия.

С именем Нестора и Киево-Печерской Лавры связаны и истоки, дающие начало морально-этическому измерению последующей философской традиции в восточнославянской культуре. Созданные Нестором «Жития» Бориса и Глеба, а также преподобного Феодосия Печерского по существу зачина-

ют традицию оригинальной отечественной агиографии, в пределах которой разрабатывался этический идеал культуры. Непревзойденным памятником письменности с этой точки зрения явился созданный в XIII ст. «Киево-Печерский Патерик», который М. С. Грушевский называл «золотой книгой» украинского народа, а Г. П. Федотов отмечал присущее ему «очеловечивание», «гуманизацию» аскетического идеала, определившую на много веков вперед направленность этической мысли в религиозной философии восточных славян.

Ярким периодом Киевской Руси не исчерпывается значимость Киево-Печерской Лавры как урочища философской памяти.

В начале XVII века архимандрит Киево-Печерской Лавры Елисей Плетенецкий создает в монастыре своеобразный научный кружок, инициирует создание типографии Киево-Печерской Лавры, что знаменовало существенные сдвиги в истории отечественной культуры, в том числе и философской мысли. Создаются реальные предпосылки для приобщения к достижениям в области теоретической, в том числе и философской мысли Западной Европы. Эту функцию призвана была сыграть Киево-Могилянская Академия. Создание ее инициировал архимандрит Киево-Печерского монастыря, а в последствии митрополит Петр Могила. В 1632 г. на основе слияния созданного Петром Могилой в Киево-Печерской Лавры «гимназиума» и братской школы, с 1615 года функционировавшей на Подоле, возникает первое в восточнославянской культуре высшее учебное заведение по типу университетов, функционировавших в то время в Западной Европе. Это — событие общеевропейской значимости. Ведь с той поры идея университета, утверждавшаяся начиная с XII века в Западной Европе, впервые обретает общеевропейское значение. Несомненно, решающую роль имело это событие для восточнославянской культуры и в первую очередь ее философской составляющей.

Центр философской жизни Киева с XVII ст. перемещается на Контрактовую площадь Подола, туда, где поныне возвышаются корпуса Киево-Могилянской Академии. Благодаря деятельности плеяды профессоров Киево-Могилянской Академии отечественная культура получает возможность

приобщиться, вобрать в себя высшие достижения западноевропейской теоретической философской мысли. Это был естественный процесс, если учесть, что большинство моголянских профессоров прошли вышкол в университетах Западной Европы, что обеспечивало подлинную связь Киево-Могиянской Академии с университетами Кракова, Геттинберга, Вюртенберга и Галле, Оксфорда и Парижа, Болоньи и Падуи. Здесь берет начало новый этап в истории отечественного философствования, который отличает направленность на теоретический философский вышкол. С этой поры наша история философии уже не ограничивается образно-символическими размышлениями любомудров.

Она включает в себя в качестве самостоятельной компоненты «университетскую», «школьную» философию, без которой невозможен успешный процесс рационализации первичных интуиций и прозрений, доводящий их до уровня теоретически выверенных категорий, систем и учений.

Благодаря философским курсам, читанным профессорами Академии, в нашей культуре формируется новое поколение интеллектуальной элиты, владеющей языком, принятым в кругу профессиональной европейской философии, освоившее тот круг знаний, которые составляли содержание памяти европейской философии того времени. Но приобщением к теоретическим достижениям профессиональной философии значимость академии не исчерпывается. В ней не только сообщали о мыслях выдающихся философов прошлого. Здесь учили мыслить, формировали способность к самостоятельной творческой деятельности в сфере философии. Поэтому памятник Григорию Сковороде, который никогда не преподавал в Академии и философия которого существенно отличается от того, чему учили профессора Академии, естественно расположился на площади напротив входа в Киево-Могиянскую Академию. Здесь, в стенах ее формировалась философская культура его, оттачивался творческий разум мыслителя. Без Киево-Могиянской Академии не было бы Г. Сковороды. Поэтому памятник, возвышающийся на Контрактной площади в Киеве, знаменует уважение не только к личности выдающегося мыслителя, но и древнейшему Киевскому университету, взрастившему его.

На протяжении двух столетий Киево-Могилянская Академия являлась центром философской жизни Киева. Согласно императорскому указу она была закрыта в 1817 году. Однако территория ее сохраняет свою значимость на карте философской памяти Киева. Здесь с 1819 года располагалась Киевская Духовная Академия — одно из четырех в Российской империи (наряду с Московской, Петербургской и Казанской Академиями) высших духовных учебных заведений. Именно здесь складывается круг представителей религиозной философии, та славная, как утверждал П. Флоренский, «киевская школа», идеи которой легли в основу, пожалуй, наиболее значительного течения не только в культуре Российской империи, но и в общеевропейском масштабе. Здесь формировал свою философскую концепцию воспитанник, а затем профессор Киевской Духовной Академии Памфил Юркевич. Рожденные им здесь идеи легли в основу курсов, читаемых П. Юркевичем в Московском университете, куда он был переведен в начале шестидесятых годов. Среди учеников киевского философа, на всю жизнь сохранивших признательность своему учителю, был творец «философии всеединства» Владимир Соловьев.

Место это хранит память и о трагической судьбе отечественной философии в XX веке.

С приходом советской власти в Киеве Духовная Академия прекращает существование. Указ о закрытии ее был издан в 1919 г. Однако реально история ее завершилась в 1923 г. Четыре года, благодаря энтузиазму профессоров и студентов, Академия ведет свое «посмертное» существование. Все учебные корпуса были реквизированы, прекратилась материальная поддержка Академии. Но деятельность ее продолжалась. Лекции профессора читали у себя на дому. В квартире ректора собирался на свои заседания Совет ее. Здесь защищались дипломные работы студентов, здесь им вручались удостоверения о полученном высшем образовании. Память об этой самоотверженной борьбе за выживание, которую вели творцы и апологеты традиции религиозной философии, запечатлена в мемориальной доске, установленной на стене 5-го корпуса Национального университета «Киево-Могилянская Академия» (во время, о котором мы ведем речь, здесь были

квартиры профессоров Академии). Доска посвящена памяти отца и сына Глаголевых. Профессор Академии Александр Глаголев был последним, кто исполнял обязанности ректора Академии. Сын его — Алексей Глаголев — был в числе последних выпускников ее, получивших дипломы в 1923 г.

Показательна дальнейшая судьба Глаголевых. Профессор Александр Глаголев завершил свой земной путь в застенках Лукьяновской тюрьмы в Киеве.

Алексей Глаголев через всю жизнь пронес верность тому высокому моральному идеалу, который обосновывала киевская религиозная философия. Имя православного священника Алексея Глаголева причислено к списку Праведников Мира, чем отмечена его самоотверженная деятельность, сохранившая жизнь десятку еврейских семей в годы немецкой оккупации Киева во время Второй Мировой войны.

Киевская Духовная Академия — единственный очаг, развивавший философские традиции Киево-Могилянской Академии в XIX в. Важнейшим центром философской жизни Киева с середины XIX в. становится Киевский Университет св. Владимира (ныне имени Т. Г. Шевченко), основанный в 1834 г. Здесь, благодаря деятельности Н. Костомарова, М. Драгоманова и их соратников, закладываются основы философии украинской национальной идеи. Здесь трудилась яркая плеяда представителей академической философии, в их числе — А. Козлов, А. Гиляров, Г. Челпанов, О. Новицкий, С. Гогоцкий, В. Зеньковский и многие другие. На протяжении XIX в. философская жизнь в Киеве определялась взаимодействием Киевской Духовной Академии и Университета св. Владимира. Когда преследование свободной философской мысли в Российской империи достигло своего апогея, приведшего к запрету более чем на 10 лет вообще преподавания философии в Университете, Киевская Духовная Академия принимала на себя функцию единственного центра приобщения культуры к философской традиции. В период же определенной *либерализации* наиболее яркие, самобытные силы перетекают из Академии в Университет, стремясь освободиться от жесткой церковной цензуры.

С середины XX столетия роль такого центра взаимодействия с Киевским университетом играет Институт филосо-

фии АН Украины. Наиболее яркие страницы в жизни Института философии связаны с тем временем, когда Институт возглавили пришедшие из Университета П. Копнин и В. Шинкарук. По существу, лишь нынешний директор является первым, кто вырос в коллективе Института. Но ведь и для М. Поповича, как и для большинства сотрудников Института, первые шаги приобщения к философии начинались в аудиториях философского факультета Киевского Университета.

Поэтому Красный корпус Университета на ул. Владимирской и здание Института философии на ул. Трехсвятительской можно считать завершающими в ряду киевских урочищ философской памяти.

Конечно, перечень центров, определявших на различных этапах течение философской мысли в Киеве, — лишь обозначает общие контуры философской памяти. История философии — не только свод философских школ, течений, образывавшихся вокруг определенных институциональных центров. Она, прежде всего, — история философов. И течение ее определяют места, где протекала жизнь мыслителя, где в уединении рождалась философская идея, где в кругу друзей она обсуждалась. Особо почитаемы места, где родился философ, где он жил, где покоятся останки его.

К сожалению, большинство таких мест неведомы поныне.

Перевести их из «зоны забвения» в сферу актуальной киевской памяти — долг нынешнего поколения философов.